

РИСК И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Храмова К. В.

ГОУ ВПО «Башкирский государственный медицинский университет Минздрава России», Уфа, Россия (450000, Уфа, ул. Ленина, д. 3), e-mail: Khramkv@mail.ru

В статье рассматривается культурно-историческая специфика модернизации России, которая способствует расширению сферы рисков. Отмечается, что нарастающее производство рисков является фактором изменения социальной структуры общества и политического режима. Осложняет ситуацию отсутствие такого важного фактора, присущего постиндустриальным странам, как опора на квалифицированное мнение экспертов. Оценивается роль монополизации информации, относительно возможных рисков, слабое развитие информационной инфраструктуры, наличие негласной, «мягкой» цензуры. Все это приводит к неадекватной оценке населением существующих рисков, что, с одной стороны, приводит к недооценке их последствий, с другой, может провоцировать панические настроения и стимулировать нежелательные социальные реакции. Делаются выводы о влиянии риска на массовое сознание и самосознание россиян, и обосновывается необходимость дальнейшего многоаспектного анализа данной проблемы.

Ключевые слова: риск, российское общество, социальная рефлексия, общественное сознание, самосознание.

RISK AND RUSSIAN SOCIETY: PROBLEMS SOCIAL REFLECTION

Khramova K. V.

Ufa, State Medical University, Ufa, Russia (450000, Ufa, street Lenin, 3), e-mail: Khramkv@mail.ru

The article deals with the cultural and historical specificity of Russia's modernization, which helps expand the scope of the risks. Author notes that increasing the production of risk is a factor of changing the social structure and the political regime. The absence of reliance on a qualified expert's opinion in controversy to the post-industrial society compounds the situation. Article shows the role of monopolization of information about possible risks, low development of information infrastructure, the presence of a silent, "soft" censorship. All this factors lead to the inadequate assessment of risks by the population; on the one hand it generates an underestimation of their effects, on the other hand it may provoke panic and encourage undesirable social reaction. The impact of risk on the mass consciousness and self-consciousness of Russians is analysed. The necessity of further multidimensional analysis of the problem is justified.

Key words: risk, the Russian society, social reflection, social awareness, self-consciousness.

Социально-философский анализ современных концепций развития общества дает нам основание причислить Россию к числу стран, отличающихся систематическим производством рисков и опасностей, угрожающих природе и жизни человека. Последствия отечественных катастроф, исходя из территориальной специфики нашей родины, могут обладать поистине планетарными масштабами. Для России, владеющей огромными территориями и обладающей значительными природными ресурсами, большое значение имеют геополитические риски, обусловленные реструктуризацией мирового социального пространства, в условиях глобальных проблем современности.

В различных странах цивилизационные кризисы проявляются по-разному. Современные российские проблемы не являются уникальными по своей сути, так как имеют универсальное значение и общечеловеческий характер. С ними сталкивались либо продолжают сталкиваться многие страны. Но в то же время Россия опережает большинство стран в «построении» общества риска. Современное человечество переживает эпохальное

историческое событие: переход от постиндустриального общества к обществу риска. Тем самым оно оказывается на пороге абсолютно новой для себя ситуации. Россия, в свою очередь, не успев стать по-настоящему постиндустриальной страной, ближе многих подошла к черте риска. Можно даже сказать, что, не перейдя к постиндустриальной стадии развития, она, тем не менее, подвергается всем присущим постиндустриализму рискам. В качестве отличительных особенностей России на пути формирования «общества риска» являются следующие факторы: особенности внутренней и внешней политики советского прошлого привели к значительному опозданию «модернизации», тем самым затруднив интеграцию страны в мировое хозяйство, так как экономические и научно-технические связи со всеми мировыми государствами были затруднительны.

Радикальные реформаторы конца XX в. провозгласили курс России на мировой рынок капиталов, технологий, товаров и услуг. Предполагалось, что это будет способствовать ее научно-техническому и экономическому процветанию, поможет в разрешении многих копившихся за годы «железного занавеса» проблем. Но отечественная модернизация спровоцировала как национальные, так и общецивилизационные проблемы, практически перечеркнув все ожидаемые выгоды от сближения страны с мировым сообществом.

На наш взгляд, это могло быть порождено как непродуманностью общей концепции модернизации, так и криминализацией и коррумпированностью Российского общества. В итоге, Россия оказалась в катастрофическом положении, опасности и угрозы которого могли привести к полному ее развалу, так как сама страна как системно развивающееся целое могла быть уничтожена.

Национальная безопасность находилась в бедственном положении, что было обусловлено и тяжелой экономической ситуацией, и технологическим отставанием от развитых стран. Была дестабилизирована социально-экологическая ситуация, что привело к ухудшению здоровья нации, сокращению населения. Все это усугублялось тем, что страна потеряла продовольственную независимость, что на фоне ослабления обороноспособности, угрозы ядерных, технологических и экологических катастроф, конфликтов из-за территорий и невозобновимых природных ресурсов, является достаточно серьезным фактором риска.

Все вышеперечисленные риски мы можем условно объединить в две группы и обозначить как риски техногенного и социогенного характера. Техногенные риски обусловлены нарушением деятельности технологических систем. Постиндустриализм развитых стран и индустриальная фаза развития стран развивающихся спровоцировали ситуацию, в которой ущерб технологических катастроф стал сопоставим с ущербом от стихийных бедствий и военных действий. На сегодняшний день технологические катастрофы входят в список глобальных проблем, так как их последствия выходят далеко за

пределы одного региона и даже одной страны или континента. Потенциально наиболее опасными, помимо ядерных, считаются: оборонная, химическая, целлюлозно-бумажная промышленность, нефтепереработка, трубопроводы, транспорт и другие виды больших технических систем.

Как показали наиболее разрушительные аварии конца XX – начала XXI столетия, мы живем в мире, наполненном реальными угрозами разрушения естественных условий человеческого существования в результате крупномасштабных катастроф, опасность которых стремительно возрастает с усложнением и ростом техносферы. Пример Японии в марте 2011 г. показал нам, насколько трагичными могут быть последствия природных стихийных бедствий в совокупности с технологическими авариями. При этом Япония по уровню развития технологии и подготовки специалистов значительно превосходит остальные страны мира, и ее системы считались классическим образцом точности и безопасности функционирования. На этом фоне особенно тревожно воспринимается осознание того факта, что в силу слабости «человеческого ресурса» (под которым имеется в виду уровень знаний, квалификации, ответственности и дисциплины тех, кто создает эту технику) в экономически отсталых странах (тем более не прошедших модернизацию), вероятность технологических катастроф гораздо выше, чем в развитых. В данных аспектах, как ни горько это констатировать, Россия в настоящее время относится в большей степени скорее к неразвитым странам.

Эскалация техногенных рисков в России связывается и с нарастанием физически и морально устаревшего оборудования, и технологиями, и с недостаточностью финансирования процесса обновления производства. Достаточно иллюстративна в этом плане трагедия, произошедшая летом 2011 г. с прогулочным судном в республике Татарстан.

Неудивительно, что в современных условиях в отдельную и все более важную проблему для России вырастает проблема технологической безопасности [5]. Но более тщательное изучение вопросов технологической безопасности не входит в число вопросов, которые мы хотели бы затронуть в рамках этого исследования.

В связи со спецификой направлений наших научных исследований, нас больше интересуют социогенные риски, являющиеся по своим масштабам, пожалуй, не менее разрушительными, чем технологические. Тем более что, как было вскользь упомянуто ранее, зачастую именно они лежат в основе технологических рисков. В нашем случае социогенные риски обусловлены трансформационным характером российского общества. Реформирование страны породило множество социальных катастроф, последствия которых мы можем наблюдать и в настоящее время.

Социогенные риски являются порождением господствующей политической доктрины и создаваемой ею идеологией. Они вызываются особенностями жизнедеятельности общества, функциональными или структурными изменениями, происходящими в нем и приводящими порой к принципиально новому его состоянию. В данном случае, мы также можем отметить, что последствия социальных катастроф не легче последствий катастроф техногенных. Индивидуализация жизни, утрата традиционных социально-классовых солидарностей, обострение межличностной конкуренции и формирование новых, нестойких и конъюнктурных идентичностей в ситуации роста рисков провоцируют возложение функции ответственности исключительно на правительство. В то же время для современного периода характерно недоверие общества к правительству, что существенно затрудняет возможности снижения рисков.

Рассматривая культурно-историческую специфику модернизации России, мы видим, что ее развитие способствовало расширению сферы рисков. Приватизация и отказ государства в 90-е гг. от обеспечения социальных гарантий вызвали социальную поляризацию населения и формирование социально не защищенных слоев.

Обширные пространства Российской Федерации насыщены последствиями техногенных и социогенных катастроф, их обычно называют зонами социальных и экологических бедствий. Реакцией государства на данную ситуацию является разработка законодательных актов и целевых программ. Но даже в случае их полного финансирования из бюджета и успешного прибытия данных средств по назначению, это не гарантирует успешного решения всех проблем.

Это связано с тем, что в данном случае мы сталкиваемся с рисками среды обитания (рисками контекста), являющимися самыми труднопреодолимыми рисками. Десятилетиями накапливаясь в природной среде, они приобретают либо социогенный, либо техногенный характер. Под данным процессом мы понимаем и накопление технологических и экологических рисков, и напряжение в социальной среде, нагнетающееся в ходе реформ или стагнации, приводящее к реструктуризации или деградации общества.

В условиях, когда выживание граждан страны обусловлено лишь усиленной эксплуатацией ее природных ресурсов, происходит усиленное производство и накопление средовых рисков. В данном случае принципиально важным является то, что средовые риски катализируют изменения в социальной структуре общества и влияют на устойчивость политического режима. Так как, даже если наживаются на производстве рисков одни социальные группы, а страдают другие, в конечном счете, риски носят глобальный характер и влияют на все общество в целом.

Россия столкнулась с тем, что аварии и катастрофы стали восприниматься как неизбежный элемент ее повседневной жизни. В случаях сведения государственной политики лишь к ликвидации последствий уже наступивших катастроф, мы можем наблюдать картину, в которой не затрагиваются основные причины тех или иных бедствий, а значит, это будет повторяться вновь и вновь. А это не только малоэффективно, но и просто опасно для существования общества.

Многополюсная система политических сил, сложившаяся в России в процессе становления гражданского общества, привела к появлению социальных движений, политических партий и неправительственных организаций как ответ на все возрастающее производство рисков. Это можно обозначить в качестве своеобразной формы коллективной рефлексивности, проявляющейся в появлении в ответ на опасности, угрожающей существованию общества, коллективных субъектов, призванных данные опасности нейтрализовывать. И чем больше таких опасностей, тем более вероятно появление подобных коллективных социальных и политических субъектов [2, с. 189].

Развитие в России экологических движений, особенно антиядерных, явилось результатом радиационной катастрофы на Чернобыльской АЭС в 1986 г. и многих других катастроф, последовавших за ней [3, с. 4].

Таким образом, мы можем отметить, что в «обществе риска», помимо легитимных политических институтов, в качестве компенсации их недостаточно эффективной деятельности начинают появляться другие агенты политической активности.

Ситуация в России осложняется тем, что в нашем обществе отсутствует важный фактор, присущий обществу риска – опора на квалифицированное мнение экспертов. Как показывает опыт недавних катастроф, у нас далеко не всегда привлекают для расследования их причин, а тем более для профилактики специалистов по той или иной технике или в той или иной сфере риска. Так, в ходе расследования уже упоминавшегося нами случая с затоплением теплохода «Булгария» летом 2011 года прокуратурой не было привлечено ни одного специалиста по речному судоходству, не были выявлены технические причины аварии, но запретительно-проверочные мероприятия были развернуты в широком масштабе. Как отмечает в своем анализе этой истории инженер-судоводитель М. Войтенко, «специалистов от дела полностью отстранили; СКП (следственный комитет прокуратуры. – К. Х.) начал с арестов и объяснений причин аварии, не выдерживающих никакой профессиональной критики – такие причины могут выдвинуть ребенок, домохозяйка, пьяный бомж, но никак не властная структура, взявшая все дело под свой полный контроль; со времени аварии прошло уже 10 дней, а комиссии специалистов как не было, так и нет, зато есть бригада из более чем 50 следователей. Что они могут расследовать, не зная, что именно произошло? Как вообще

они могут быть главными и единственными в этой ситуации, ситуации техногенной катастрофы, не имеющей пока экспертной оценки специалистов? Кто им дал право трясти весь речной флот страны и проверять суда на годность-непригодность к плаванию? Им, людям, по определению не имеющим никакого отношения к профессиям водников?» [1]. Подобная практика отказа от экспертной оценки получает распространение в том случае, когда бюрократическая машина узурпирует несвойственные ей компетенции. Такая система не заинтересована в устранении рисков, поскольку обстановка постоянной угрозы катастроф позволяет манипулировать обществом, извлекая из этого символический капитал, экономические выгоды, сохраняя и упрочняя властные полномочия сверх допустимых пределов.

С указанным аспектом тесно связана еще одна грань специфической ситуации российской действительности. Мы имеем в виду монополию информации относительно возможных рисков. Для либерально-демократических стран, входящих в общество риска, характерно широкое распространение информации, знаний о рискованных ситуациях. Широкая информированность еще не является гарантией или средством минимизации рисков и способна порождать панические настроения. Слабое развитие информационной инфраструктуры в России, наличие негласной, «мягкой» цензуры упрощают, с одной стороны, обстановку тем, что незнающий не испытывает страха перед риском, но неинформированность также не приводит к минимизации рисков, поскольку замалчиванием проблем не решить.

Эту сложную «конструкцию» отягощает взаимное недоверие: населения к экспертам и власти, экспертов к власти и населению, власти к населению и экспертам. Обстановка взаимного недоверия дестабилизирует и без того сложное положение российского общества. Показательным примером в этом смысле могут служить беспорядки в Москве, возникшие в декабре 2011 г., когда выходцами с Кавказа был убит футбольный фанат Егор Свиридов. Показательна точка зрения одного из так называемых фанатов, озвученная им в анонимном интервью. В ответах рефреном звучит мысль о том, что сложившаяся ситуация, вылившаяся в столкновения тысяч молодых людей с представителями силовых структур, оказавшихся не в состоянии разрешить ситуацию мирным путем, в избиения на этнической почве, уже не устраивает широкие слои общества: «Есть сила, у многих власть, деньги... Но никто не чувствует себя СВОИМ у себя на Родине. Мы – тысячи и тысячи Печориных... Лишние люди. Каждый вынужден таиться и выживать. Современное общество – это или совокупность мягкотелых желе, именуемых россиянами, или советско-номенклатурная быдло-уголовщина – которая так до сих пор у власти. Я не понимаю, чем недовольны те, кто жил при СССР – я, как человек возрастной, помню ту эпоху... Сейчас, все точно так же, как и

тогда – всем рулит ложь и маразм. Так вот, эти две прослойки успешно спелись. Одни – власть, другие – масса. «Лишними» же осталась практически вся молодежь...» [4]. Это приводит к мысли об особой остроте риска конфликтов этнического и религиозного характера. Россия, сочетающая огромное количество национальностей, этносов, религиозных конфессий и сект, представляет собой своего рода «артиллерийский склад» рисков такого уровня с постоянной вероятностью опасности взрыва. Этот фактор, как нам представляется, не может не сказываться на сознании современных граждан нашей страны.

Не вызывает сомнения тот факт, что человек не может жить в состоянии постоянной готовности к катастрофам. Тем более, что не возможно заранее определить степень ее опасности для природы и людей. В данном случае, мы видим, что важной функцией науки в современном обществе является выявление социально приемлемого, допустимого уровня риска.

Глобальные экологические и социальные катастрофы XX века повлияли на все стороны жизни россиян и в первую очередь на их массовое сознание. Эти события стали не только поводом для пересмотра жизненных стратегий, но и сформировали платформу, стали катализатором постепенного формирования и развития принципиально иной культуры населения России.

Осознание значимости существующих рисков, ценности здорового образа жизни, экологической и политической безопасности, позволяет нам говорить о начале формирования у россиян нового сознания, более адекватного условиям рискогенного общества. Хотя и эта сфера полна своими, несомненно, значимыми и требующими особого подхода к изучению социальными рисками.

Список литературы

1. Войтенко М. Власть и катастрофы: порочный путь// Интернет-ресурс. URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=11197> (Дата обращения: 22.07.2011).
2. Катасонов В. Ю. Великая держава или экологическая колония? – М.: Молодая гвардия, 1986. – 280 с.
3. Крылова И. А. Проблема безопасности России в контексте глобалистики. – М.: ИФРАН, 2001. – 241 с.
4. Манежная. Взгляд фаната// Интернет-ресурс. URL: <http://folksland.net/m/articles/view/Manezhnaya-Vzglyad-fanata> (Дата обращения: 15.03.2012).

5. Мельник Л. Г. Экологическая экономика: Учебник. 3-е изд., испр. и доп. – Сумы: ИТД «Университетская книга», 2006. – 367 с.

Рецензенты:

Иванова Оксана Михайловна, д. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии психологии и педагогики Башкирского института физической культуры (филиал), Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский государственный университет физической культуры» г. Уфа.

Столетов Анатолий Игоревич, д. филос. наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики факультета информационных технологий и управления ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный аграрный университет» г. Уфа.